

Секция «Политические науки»

Концепция политической символизации в творчестве Г.Д.Лассуэлла.

Хансвирова Юлия Юрьевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: sutugina@list.ru

Теоретическое наследие Г.Д. Лассуэлла оказало значительное влияние не только на развитие бихевиорального подхода в политической науке, но и на теории коммуникации и принятия решений. Кроме того, в работах этого мыслителя присутствуют идеи структурно-функционального подхода, высказанные им раньше ученых, считающихся родоначальниками этого направления. Однако в отечественной политической науке Г.Д. Лассуэлл известен, прежде всего, как представитель политической психологии, обосновавший необходимость применения методов психоанализа в изучении политических явлений. Таким образом, возникла некоторая асимметрия в освещении вклада американского ученого в развитие политической науки. Этим, на наш взгляд, и продиктована необходимость обращения к концепции политической символизации.

Данная концепция, рассматриваемая в общем контексте теоретических построений Лассуэлла, предстает вспомогательной гипотезой, объясняющей механизмы взаимодействия элиты и масс, распределения власти в обществе. Содержание понятия «политический символ» первоначально сводилось к «идеологии» существующей элиты и «утопии», если артикулировалось контр-элитой [2] Высказывалась Лассуэллом и другая точка зрения, согласно которой статус политических символов может быть придан фактически любым ценностям человеческого общества[3] Активную роль в этом процессе играют элиты, задачей которых становится определение символов и каналов их распространения, способных вызвать желаемое коллективное действие [2] Таким образом, рассматривая общество в целом, можем утверждать, что политические символы выступают механизмом поддержания существующего порядка, или средством подрыва его легитимности.

Однако Лассуэлла в большей степени интересовал личностный аспект процесса политической символизации. В соответствии с принятыми в психоаналитическом подходе схемами интерпретации человеческого поведения, американский исследователь объясняет и поведение политическое. Агрессия, чувство вины, слабости и потребность в любви, с помощью механизмов вытеснения либидинальных импульсов, проекции и частичной идентификации, переносятся на политические объекты. Основываясь на эмпирических материалах пропаганды периода первой мировой войны, Лассуэлл выделяет центральный для перенаправления агрессии символ «общего врага» По мере нарастания политического кризиса, символ «нации» также активизируется, отображая растущую потребность в защите, вызванную страхом перед этим врагом.

Процесс символизации значительно усложняется при переходе к рассмотрению политического взаимодействия на национальном уровне. Анализируя степень сложности этой задачи, Лассуэлл прибегает к элементам структурно-функционального подхода. Им выдвигается гипотеза о существовании инкорпорированной структуры политических символов в сознании человека, формирование которой происходит в раннем дет-

стве, вместе с формированием словарного запаса ребенка, и продолжается в сознательном возрасте под воздействием политической пропаганды [3]. Следовательно, «каждый символ, с которым проходит отождествление, уже встроен в существующую структуру символов подобного рода, характерную для данной культуры» (Lasswell 1965, p.33). Постановка данной проблемы актуализирует автоматически и более общую – соотношение индивида, как единицы анализа с одной стороны, и надиндивидуальных сущностей, таких как культура, религия и государство, с другой стороны. В отечественной политической науке решения, предлагаемые Лассуэллом для этой проблемы – конфигуративный подход и многоуровневый анализ – раскрывают публикации А.Л. Алюшина [1]. Таким образом, в методологическом отношении концепция политической символизации заимствует элементы психоанализа с одной стороны, и элементы структурно-функционального подхода – с другой.

Рассматривая соотношение индивида и общества в процессе политической символизации при помощи понятия структуры, Лассуэлл раскрывает и временные, динамические аспекты этого взаимодействия – как для индивида, так и для общества в целом. В сознании взрослого человека идентификация с новым политическим символом порождает переоценку всех прошлых эмоциональных привязанностей в соответствии с этим символом [3]. Отсюда исследователь делает два вывода. Во-первых, о том, что устойчивый политический порядок не должен требовать какой-либо специальной активности со стороны властвующей элиты. Политическая идеология стабильного общества носит самоподдерживающийся характер, и символы, составляющие ее содержание, не активны в сознании рядового гражданина. Во-вторых, «большинство тех, кто принимает участие в революции, должны столкнуться с кризисом сознания» (Lasswell 1936, p.46). Возможно, этим и обусловлена относительная редкость революционных изменений в обществе.

В заключении необходимо отметить, что, отдавая предпочтение психологическим, личностным факторам, как ключевым в процессе формирования политических символов, Лассуэлл, тем не менее, отмечает и значение объективных изменений реальности, полагая что «интенсивность коллективных эмоций, а также главное направление коллективных действий зависят от изменений общего контекста» (Lasswell 1936, p.51)

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс политической символизации, в трактовке Лассуэлла, является необходимой составляющей общего взаимодействия элит и масс. Протекает этот процесс главным образом на подсознательном уровне, при помощи таких механизмов, как вытеснение, проекция и частичная идентификация. Взаимоотношения объективной и субъективной составляющей процесса политической символизации считалось Лассуэллом предметом крайне сложным, требующим отдельных эмпирических исследований, инструментарий которых разрабатывался им в работах позднего периода.

Литература

1. Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Полис. 2006, №5. С.158-170
2. Lasswell H.D. Politics: Who gets what, when, how. N.Y., 1936.
3. Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. N.Y., 1965.